

ГЕФТЕР

Интернет-журнал

<http://gefter.ru/archive/22889>

4 октября 2017

Современность между смертью и традицией

Василий Щипков

Так как вы говорите: "мы заключили союз со смертью и с преисподнею сделали договор: когда всепоражающий бич будет проходить, он не дойдёт до нас, — потому что ложь сделали мы убежищем для себя, и обманом прикроем себя".

(Исайя, 28:15).

— Неужели вы заключили договор с победой?

— Мы заключили договор со смертью.

*(монтаньяр Клод Базир, член Национального Конвента Французской республики.
18 июня 1793 г.)*

—...Если так, я буду смерть.

— Вы смерть!.. Полноте, Бога ради!

— А что?

— Вы жизнь!

— Нет, смерть! Но вы меня не бойтесь: я — смерть лёгкая, с прекрасными виденьями, с экстазом жизни. Дайте вашу руку, идём.

(Разговор Глафиры Бодростиной и Андрея Подозёрова. «На ножках». Н.С. Лесков)

«Современность», начиная с эпох Возрождения и Просвещения, — это не хронологическое понятие, а идеологическое. Его окончательно сформулировали идеологи Возрождения и Просвещения, вложив в него смысл, который сохранился до настоящего времени: современность — это то, что противостоит мировоззрению традиционного общества, что не относится к прошлому и «старому», не имеет преемственности с социальным опытом и традицией.

Понятие «современность» («модерн») особенно широко распространилось в европейских языках после «Спора о древних и новых» («*Querelle des Anciens et des Modernes*») во Французской академии в конце XVII

века — спора, в котором «современность» и «древние» традиции уже окончательно понимались обеими его сторонами как взаимоисключающие противоположности. При этом сама идея современности появилась раньше, в момент объявления двучастного, затем трёхчастного деления истории на «древнее» время, «средние века» и «новое» время (Петрарка, Бруни, Бьондо). Это деление разрывало историю на самостоятельные этапы, каждый из которых противостоял предыдущему, а хронологию превращало в идеологию. В этом смысле «современность» возникла и утвердилась в философской мысли как слово-отрицание. Поэтому в сегодняшнем языке «современность» мыслится как антоним «традиции»: традиция не может быть современной, современность не может быть традиционной.

Идеологические черты «современности», разработанные философами-гуманистами, постепенно перенеслись на простое понимание современности как текущего момента, сегодняшнего дня. Современность на протяжении всех культурных эпох от Возрождения до Постмодерна стала отражением доктринальной «современности» Просвещения, которая состоит из идеи превосходства человека над Богом (гуманизм) и идеи вытеснения религиозного сознания из культуры (секуляризм). Из этих ключевых идей вытекли все остальные идеи Нового и Новейшего времени — от рационализма до автономной этики и постмодернистского релятивизма. Это каркас нашего сегодняшнего мышления.

«Идеологичность» современности проявляется повсеместно и может быть обнаружена в языке. Словом «современность» мы поневоле окрашиваем определённым мировоззрением всё, к чему его применяем. Это вопрос жёстких рамок и власти языка, на котором мы думаем и заложниками которого являемся: мы не умеем мыслить о чём-то «современном» вне идей Просвещения и модерна, вне идеи постоянного преодоления традиции ради движения к «новому».

К какому бы предмету мы ни приставили определение «современный», оно придаёт ему особую ценностную окраску, значение «нетрадиционный», «неклассический», секулярный и гуманистический: например, «современное искусство», «современная философия», «современное образование», «современная мораль», «современная семья», «современная любовь». Проведите эксперимент: попробуйте применить характеристику «современный писатель» к разным ныне живущим авторам, и вы обнаружите, что это определение подходит не ко всем в одинаковой степени: кто-то в нашем сознании окажется более «современным», кто-то менее. Вообще, не каждого ныне живущего человека мы готовы назвать «современным». Даже если мы употребляем это слово, казалось бы, максимально нейтрально, например, в

сочетании «современная техника», мы неизбежно подразумеваем, что где-то существует техника старая, относящаяся к истории, в которой уже нет жизни и привлекательности.

«Современное» в нашем языке неизменно означает что-то хорошее, слово же «традиционное» описывает что-то старое и менее привлекательное. Это «традиционное» может быть «правильным» и «надёжным», но почти всегда является «банальным» и «скучным», в нём нет живой жизни, будущего, а часто присутствует и «тёмное», отталкивающее начало. «Традиция» сегодня пахнет пылью провинциального музея и уводит наши мысли в тёмные области народных культур и архаики. Даже «благородная старина» не даёт традиции преимущества, потому что именно «современность» назначает «старине» цену и решает, когда она достойна такого эпитета. «Современность» держит традицию в строгом теле, помещает её в специально созданные для неё пространства, в гетто, куда можно прийти и через забор понаблюдать за ней со словами: «Чего только не встретишь на белом свете».

Одно из наказаний для современного человека — быть выброшенным из современности и оказаться «несовременным», на «неправильной стороне истории». Отсюда вытекает понятие «маргинальности» и многие другие синонимы социального небытия. Можно сказать, что внутреннее кредо современного человека выражается в формуле: «Я современный — значит, я существую».

«Современность» вытесняет традицию уже более пятисот лет, этот процесс принимал самые разные формы и имеет богатейшую историю. Самый яркий пример — вытеснение церкви из светского пространства: реформация подчиняла церковь светскому государству, буржуазные революции замещали религиозную этику светской, рационализм из светских идеалов конструировал новое сциентистское, неорелигиозное мышление. Сегодня этот процесс рассредоточен по частностям, но продолжается в том же направлении. Например, недавно в Общественной палате V состава предложили ввести в России разграничение «социальных пространств» — поделить социокультурное пространство городов и всей страны на виртуальные секторы, в каждом из которых будет действовать своя мораль и свои ценности¹. Это позволит оградить от критики со стороны религиозных общин различные выставки, акции, постановки — в музеях, театрах, кино, школе и других «пространствах». Логика за много столетий осталась неизменной — ограничить влияние традиционной части общества: не распространяйте нормы вашей традиции на

¹ "Чье пространство, того и право": в ОП РФ обсудили концепцию закона, призванного защитить "высокозначимые ценности" [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.nakanune.ru/news/2017/3/29/22465262 (дата образования: 01.05.2017.).

современность, живите по вашим правилам только на специально отведённой вам территории, а в остальных случаях — подчиняйтесь «современности». «Современное» мышление всегда действовало по одной схеме: сделать религиозную культуру субъективной, регламентировать и сузить её дискурсивный, социокультурный и физический ареал, оградить её от общей (т.е. светской) культуры. Когда отводимое ей пространство слишком сужается, носители религиозной традиции уничтожаются физически, как это происходило в России сто лет назад. В теории «современность» представляется нейтральным пространством, неким общим знаменателем и универсальной точкой отсчёта. В реальности «современность» является идеологической доктриной и практикой, которая не только ограничивает традицию, но помещает её в языковое и культурное гетто, от которого до настоящего гетто, тюрьмы и концентрационного лагеря — менее, чем шаг.

Власть языка и «дискурса» разоблачали многие авторы XX века, особенно философы-постмодернисты, это стало одной из главных тем их исследований (Лиотар, Деррида, Фуко, Бодрийяр, Барт, Делёз, Гваттари и другие). Весь постмодернизм занимался усиленной «деконструкцией» всего, что ещё содержало в себе остатки традиции. Эти авторы критически вскрывали механизмы «дискурсивной власти» традиционного мышления и агитировали читателей «выйти за рамки» старых клише, понятий и языковых ситуаций и структур, в которых язык, семиотическая система или дискурс «управляет и подавляет», выстраивает систему иерархии и подчинения (например, язык больницы, армии, школы). Они призывали рушить эти рамки, мыслить «свободно» и революционно. В некоторых случаях экзерсисы постмодернистов доходили до того, что они предлагали отказаться от языка самой науки как слишком догматичного, логического и иерархичного, то есть слишком «несовременного» (ситуация описана Брикмоном и Сокалом в книге «Интеллектуальные уловки»). Что касается, например, языка религии, то к этому моменту он уже давно был выброшен за борт «современности» как язык «архаичный», причём одинаково как в социалистическом, так и капиталистическом мире.

Однако постмодернисты, мыслившие себя новым поколением, ломающим глубинные основы «современной» культуры, на деле находились в той же самой парадигме мышления, что и первые европейские гуманисты. Они занимались борьбой с традицией, поскольку понимали «современность» (хоть и называли её «постсовременностью») точно так же как и их предшественники — как преодоление традиции. По этой причине XX век не совершил перехода в принципиально новую эпоху, не изобрёл новое мышление, он с другими

терминами продолжал тот же процесс, который начался в Новое время: борьбу со «старым» и традиционным в угоду гуманистическому и секулярному.

При этом чувство приближения неких фундаментальных перемен вполне реально ощущается обществом уже более ста пятидесяти лет. Почти никто не сомневается в их неизбежности: вчера — философы и культурологи, сегодня — политики и обыватели. Отсюда в разные времена возникали похожие друг на друга концепции конца Нового времени, заката Просвещения, конца истории. Ещё в начале XX века на фоне социальных страстей это чувство поражало мыслителей своей, казалось бы, очевидностью. Для Н.А. Бердяева конец «современности» наступил в конце 1910-х годов, когда он в революционной России писал такие строки: «Невозможен возврат к гуманистической морали и искусству, к гуманистическому познанию. Произошла какая-то непоправимая катастрофа в судьбе человека, катастрофа надрыва его человеческого самочувствия, неизбежная катастрофа перехода его человеческого самоутверждения в человеческое самоотрицание... Этот процесс есть страшная революция, происходящая на протяжении целого столетия, заканчивающая новую историю и открывающая новую эру»². Тогда же вставал закономерный вопрос, какая же эра придёт на смену «новой», «современной» истории. Бердяев назвал её «Новым Средневековьем», предрекая неизбежный кризис философии рациональности, гуманизма и секуляризма в европейской мысли и предсказывая новое религиозное возрождение и возвращение религиозного сознания во все сферы человеческой деятельности по средневековой модели.

Однако в XX веке конец «современности» так и не наступил. Натиск «современности» в прошлом столетии только усилился и обрушился со всей накопленной мощью на последние сохранившиеся основания традиционного в обществе. А главные идеи «современности» со времён Просвещения — секуляризм и гуманизм — достигли своего высшего расцвета именно в XX веке, триумфально его возглавив. Победа секуляризма символически выразилась в идеологии атеизма в СССР, а победа гуманизма — в утверждении доктрины прав человека в капиталистических странах. Возможно, XX век останется в истории как самый «современный» век — век предельного воплощения просвещенческих идеалов.

Именно поэтому для обозначения наступившей в начале XX века эпохи официальная наука не придумала более подходящего термина, как «Новейшее время», то есть время ещё более новое и современное. В сфере искусства «новейшее» называли «актуальным» (считается, что «актуальное искусство»),

² Бердяев Н.А. Смысл истории. СПб.: Азбука, 2017. 256 с.

«contemporary art»), пришло на смену «современному искусству», «modern art»), но разница между «актуальным» и «современным» не больше, чем между «новейшим» и «новым». По сути, по внутреннему содержанию это одно и то же. «Новейшее время», «актуальное искусство» — это ещё один виток, сущностная часть и продолжение всё той же «современности».

Сегодня мы вновь делаем предположение: кризис, с которым столкнулся сегодняшний мир во всех сферах от экономики до культуры, всё-таки связан с кризисом «современности», с противоречиями внутри этой доктрины. Виноват негласный, но хорошо осознаваемый особенно сегодня фундаментальный принцип Нового времени — «будь современным или умри». Причастность к «современности» означает право на жизнь, поэтому за попадание в неё борются все, кто борется за существование — страны, народы, культуры, экономики, религии. Но «современность» по своей природе не может вобрать в себя всех, потому что сама всегда строится на отрицании чего-то «несовременного», традиционного. Кто оказывается за её бортом, того «современность» уничтожает — колониальными войнами, бомбардировками, санкциями, карикатурами, информационным давлением — и за счёт этого продлевает своё существование.

Сегодня традиционные религиозные общества Азии и Востока, консервативные христиане Европы и Америки становятся «современными» по внешнему облику, но остаются традиционными по внутреннему содержанию. В отличие от сект, отделяющих себя от мира, все они хотели бы стать «современной», то есть полноценной, частью общества, но современность их не пускает, ставит барьеры и невыполнимое условие — признать верховенство прав человека и свобод над моральными законами традиционных культур.

Раньше люди, общества, идеи были готовы ради ассоциации с современностью выполнить многие её требования (да и требования были не столь жёсткие) — принять современные ценности, правила, институты. Сегодня, как будто чувствуя приближение какого-то конца, катастрофическое уменьшение пространства «современности», они штурмуют его уже без оглядки на формальности, прорываются в него без приёмных экзаменов, не отказываясь от своих традиционных ценностей и плохо понимая, куда идут и зачем идут. По большому счёту, им уже не нужна эта «современность». Они просто хотят выжить, выйти из категории «на уничтожение».

Сегодня в воздухе висит вопрос: не является ли доктрина «современности» лишней частью сегодняшнего мира и можно ли её чем-то заменить? Делаются попытки переосмыслить «современность» через неоархаику, «новое Средневековье», «пост-пост-современность» и другие подобные искусственные конструкции (показательно, что в самой культуре

сегодня доминируют архаичные, средневековые и футуристические сюжеты). Но ни одна из этих форм не даёт ощущение перспективы. Все они, борясь с «современностью», используют её главный метод — отрицание, поэтому не способны создать ничего принципиально нового, а воспроизводят всё тот же дискурс «современности» в разных самобытных формах и декорациях.

«Современность» невозможно прекратить или переосмыслить отрицанием и революцией, потому что «современность» — сама есть отрицание и революция. Каждый раз после такого переосмысления будет рождаться лишь очередная новая, но по сути та же старая «современность». Настоящее преодоление «современности» — это изменение способа мышления о современности, лишение её ценностных оснований Просвещения и духа борьбы с традицией.

Традицию часто справедливо описывают как преемственность исторического континуума, связь прошлого и настоящего, передачу опыта от поколения к поколению. Отсюда привычка в нашем «современном» сознании связывать традицию с чем-то «старым», «прошлым», «историческим». Но история и время лишь помогают мыслить традицию, тогда как само это явление по природе внеисторическое и вневременное. Традиция — это компенсация текучести и неуловимости настоящего момента, способ преодоления хронологического времени, конечности и смерти. Традиция всегда несёт в себе образ предельного прошлого и предельного будущего, то есть образ вечности. Традиция — это то, что позволяет человеку чувствовать вечность и жить в вечности во время своей конечной, земной жизни. Традиция в этом смысле есть бесконечная жизнь.

Гуманисты создали такую «современность», которая постоянно отталкивается от традиции и делает человеческое мышление максимально привязанным к ощущению сиюминутности, временности, конечности. «Современность» до сих пор понимается как оторванное от прошлого и будущего мгновение, как момент движения, как что-то постоянно изменяющееся, неуловимое и уникальное. Но традиция — это не прошлое, это вечность. Поэтому, отталкиваясь от традиции, гуманистическая «современность» не перемещается вперёд по шкале исторического времени, она движется «от» вечности. «От» вечности — это не в будущее и не в прошлое, это движение к идее «антивечности», конца концов, смерти. В этом смысле идеей смерти одержимо не только современное искусство (один из основных его мотивов — непознаваемость мира, его бесконечная альтернативность, абсолютная конечность, безысходность), но и сама «современность». Именно поэтому гуманистическая «современность» не

ведает, что такое эсхатологический страх: ведь она не ждёт смерти и не борется с ней, она её приближает. «Современность» в этом смысле и есть смерть.

Преодоление вражды между современностью и традицией достигается религиозным мышлением. С точки зрения вечной жизни, вся человеческая история, и прошлая и будущая, — это не временная продолжительность, а точка в вечности. Эта точка и есть традиция, которую мы можем ощутить только в момент современности и через неё прикоснуться к вечности. Современность — это зеркало, в котором отражается наша традиция и мы сами как создания, обладающие бессмертной душой.

Фантомные боли уходящих столетий, ощущение симулятивности и нереальности происходящего, отсутствие ясности, тщательно скрываемое ощущение несоответствия самому себе и античной беспомощности перед внешним миром, чувство, что не ты живёшь, а динамичное время живёт и управляет тобой, запрет останавливаться и невозможность осмотреться вокруг, гипериндивидуализация и глубокое одиночество как результат отсутствия любви. Преодоление этих и других столь знакомых нам черт современного культурного кризиса, а вместе с тем политического и экономического, будет связано с переосмыслением «современности». Оно произойдёт, когда мы начнём думать иначе: думать о *современности* и *традиции* не как об антонимах, а как об одном и том же, как о синонимах вечных ценностей и вечной жизни.